

Д.А. Качеев

В ПОИСКАХ ИДЕАЛА ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ: ЕВРАЗИЙСКОЕ ПОНИМАНИЕ ГОСУДАРСТВА КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ*

Качеев Денис Анатольевич – кандидат философских наук. Костанайский региональный университет им. Ахмета Байтурсынова. Республика Казахстан, 110000, Костанай, ул. Байтурсынова, д. 47; e-mail: kacheev@mail.ru

Предметом статьи является евразийское понимание государства как «соборной» личности, идеократии, «гарантийного» государства и «государства правды» как особого пути общественного развития и государственного устройства. В евразийстве принцип соборности был применен Л.П. Карсавиным по отношению к государству, которое понималось как некий «культур-субъект», «соборная» или «симфоническая» личность. «Соборное» государство есть всеединство составляющих его групп и индивидуумов, консолидированных правящим слоем и идеей-правительницей. Государство как «соборная» личность понималось в нескольких качествах: как государство идеократическое, в котором правящий слой подчинен высшей идее-правительнице; как государство «гарантийное», в котором правящий слой органично связан с народом и «гарантирует» достижение положительных государственных целей; как «государство правды», представляющее общественный союз, направленный на реализацию идеала высшей правды. Различные модели государственного устройства, основанные на принципе «соборности», представляют альтернативу европейской модели, основанной на индивидуалистической теории демократии.

Ключевые слова: славянофильство, соборность, всеединство, евразийство, государство, культура, личность, идеократия, демократия, правящий слой

Для цитирования: *Качеев Д.А.* В поисках идеала общественного развития: евразийское понимание государства как альтернатива европейской демократии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 3. С. 96–109.

* Статья написана на основе доклада, зачитанного на Международной научной конференции «У истоков евразийства. К 100-летию выхода книги Н.С. Трубецкого “Европа и человечество”» в рамках Всемирного дня философии 19 ноября 2020 г., организованного в Институте философии РАН при участии Дома русского зарубежья им. А. Солженицына.

Эволюция русской философской мысли: от «соборности» и «всеединства» до «соборной» личности

Евразийское понимание государства как некоего «культур-субъекта» раскрывается через понятие «соборности». Идеи А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и К.С. Аксакова повлияли на евразийский подход к государству как «соборной» личности.

Славянофильство явилось заметным духовным течением, акцентировавшим свое внимание на самобытном пути развития России, ее историко-культурном, религиозном и национальном своеобразии. Основу этого пути славянофилы усматривали в православии, в котором, как они считали, изначально заложена свобода духа и устремленность к творчеству. В этом православие разительно отличается от католицизма, под влиянием которого развились рационализм и внимание к материальным ценностям.

Среди духовных исканий славянофильства, создавших почву для развития евразийского понимания государства, необходимо отметить учение о целостности духа и принцип соборности.

Учение о целостности духа, обосновывающее органическое единство, включающее Церковь, общество и человека, являлось, по мнению славянофилов, непременным условием познания, воспитания и практической деятельности людей. Человек находит в Церкви свою собственную сущность, или, по словам А.С. Хомякова, «находит в ней то, что есть совершенного в нем самом – Божественное вдохновение, постоянно испаряющееся в грубой нечистоте каждого отдельно-личного существования»¹. Под Церковью славянофилы понимали исключительно православную церковь, считая, что католичество не может быть «кафолическим» или «соборным»: «Песчинка... не получает нового бытия от груды, в которую забросил ее случай»². В православной же Церкви, органическим основанием которой является любовь, человек делается неотъемлемой частью соборного церковного тела, получая от него новый смысл и новое существование. По мысли И.В. Киреевского, «...необходимо в сознании человека предположить бытие в божественном единстве, ибо знание единства есть идеальное, бытие в единстве – реальное отношение человека к Богу»³.

Соборность в философии славянофилов выступает как общий метафизический принцип бытия, который характеризует, в первую очередь, церковный коллектив. А.С. Хомяков приводит несколько трактовок слова «соборность», таких как «вселенский» и «всемирный», однако замечает, что данные понятия не могут отразить всеобщности, присущей Церкви. По словам мыслителя, «...собор выражает идею собрания не только в смысле проявленного, видимого соединения многих в каком-либо месте, но и в более общем смысле всегдашней возможности такого соединения, иными словами: выражает идею единства во множестве»⁴. Соборность – это множество, объединенное силой любви в свободное и органическое единство. Только

¹ Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Русская философия: Имена. Учения. Тексты. М., 2001. С. 209.

² Там же.

³ Киреевский И.В. Речь Шеллинга // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1979. С. 246.

⁴ Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. С. 211.

в соборном единении личность обретает свою подлинную духовную самостоятельность.

Соборность противоположна индивидуализму и разобщенности, ее неотъемлемым признаком является свобода личности, ее добровольное и свободное вхождение в Церковь. Согласно А.С. Хомякову, «...настало для нас время понимать, что человек достигает своей нравственной цели только в обществе, где силы каждого принадлежат всем и силы всех каждому»⁵. «Соборное» единство славянофилов соединяло патриархальный быт допетровской эпохи с идеей государства, включающей в себя христианскую нравственность, поскольку истина и истинная вера сохраняются лишь в народном соборном сознании, в котором, по мысли К.С. Аксакова, взаимосвязь «соборного» целого и его индивидуаций выражена следующим образом: «Общечеловеческое само по себе не существует; оно существует в личном разумении отдельного человека»⁶. Позже это стало одной из основ евразийского понимания «соборного» государства как «государства правды».

Дальнейшее развитие идея соборности получила у В.С. Соловьева, хотя он и не употреблял этот термин, желая отмежеваться от славянофильства. «Соборность» трансформировалась у В.С. Соловьева в идею «всеединства», которую он определял следующим образом: «Я называю истинным, или положительным, всеединство такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы, и само оказывается, таким образом, пустою; истинное единство сохраняет и усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия»⁷. Единство природного бытия, по В.С. Соловьеву, реализуется через деятельность Мировой души, Софии и Богочеловечества, которые занимают посредствующее место между множеством реально существующих природных предметов и безусловным единством Божества. Идеолог евразийства, Л.П. Карсавин, высказывал мысли, тождественные концепции В.С. Соловьева: «Все во всем, и каждая личность есть центр всеединства. Но в ведомом нам мире, и в земном, и в тварно-небесном – истинный центр всеединства Христос, не ангел, не дух бесплотный, а Человек»⁸.

Л.П. Карсавин считал государство «соборной» или «симфонической» личностью, рассматривая его в рамках культуры. Последняя понималась им как органическое единство материальных и духовных достижений человечества, структурирующим элементом которой является нравственность. С этой точки зрения, государство есть живое и духовно-личное единство культуры, которое, по мнению М. Ларюэль, «как форма организации культурной и национальной жизни, также является симфонией. Каждое симфоническое объединение будет государственным в том смысле, что оно сможет реализовать себя только в рамках этого всеединства, юридического воплощения культуры»⁹.

⁵ Хомяков А.С. О старом и новом // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. III: Политическая мысль в России: X – первая половина XIX века. М., 1997. С. 708.

⁶ Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М., 1981. С. 201.

⁷ Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 552.

⁸ Карсавин Л.П. Noctes Petropolitanae // Карсавин Л.П. Saligia. Noctes Petropolitanae. М., 2004. С. 201.

Для обозначения учения о культуре как о целом Л.П. Карсавин выбрал термин «политика», подразумевая смысл «огосударственного целого»¹⁰. Политика, по мнению философа, «строится не на индивидуалистски-материалистических и не на бездейственно-релятивистических предпосылках и гипотезах, а на философском учении о личности (просопологии или персонологии)»¹¹. А уже из учения о личности определяется природа и строение субъекта культуры, т.е. государства как «соборной» личности. Государственность есть форма, определяющая личное бытие этого субъекта, а также органичность культуры, смысл духовного и материального творчества «культур-субъекта».

При этом утверждается примат культуры над государством как «культур-субъектом». Государство является по отношению к культуре вторичным, это только форма ее бытия, и, по словам Л.П. Карсавина, «оно не должно стеснять свободного саморазвития культурно-народной или культурно-многонародной, как Россия – Евразия, личности, в себе и через себя открывая ей путь для свободного выражения и осуществления ее воли»¹². Государство направляет развитие культуры, но направляет как «культур-субъект», выразитель ее воли и творческой деятельности.

Таким образом, разработка исходных понятий «культуры», «политики» и «симфоничности» позволила евразийцам обосновать свое оригинальное учение о государстве как «соборной» личности.

Как можно определить «соборное» государство? Государство есть «соборная», или «симфоническая» личность, как конкретное всеединство всех индивидуализирующих его социальных групп, а каждая из них есть всеединство составляющих, индивидуализирующих ее конкретных индивидуумов. По словам Л.П. Карсавина, «...я познаю данную личность, как один из моментов высшей личности, всеедино-конкретной, и познаю последнюю, которая ведь тоже – момент высшей»¹³.

Это очень важный момент, потому что «соборность», по сути, есть модель общественного устройства Руси-России, которую можно рассматривать как альтернативу западной модели, представленной демократической теорией.

В рамках соборности каждый индивидуум находит свое воплощение и совершенствуется в других, окружающих его индивидуумах. Один индивидуум является потенциальным бытием других индивидуумов. Государство же есть реальное бытие всех индивидуумов не в смысле их простой совокупности, но как единое целое, консолидированное приверженностью идее. Демократия же предполагает индивидуалистическую систему, в которой каждый человек есть отдельный «атом», реализующий, прежде всего, сам себя и находящийся в отношениях взаимовыгодного сотрудничества с другими такими же «атомами». «Сама демократия, – отмечает Л. Штраус, – характеризуется свободой, включающей в себя право делать и говорить все, что только можно пожелать»¹⁴. Государство демократическое есть совокупность

⁹ Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004. С. 83.

¹⁰ Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия: Антология. М., 1995. С. 110.

¹¹ Там же. С. 111.

¹² Там же. С. 128.

¹³ Карсавин Л.П. Философия истории. М., 2007. С. 168.

¹⁴ Штраус Л. Введение в политическую философию. М., 2000. С. 236.

граждан, объединенных в рамках единого территориального устройства, на котором действует юридическая система законов и норм.

Л.П. Карсавин особо подчеркивает взаимосвязь и взаимозависимость индивидуума и соборного субъекта: «Соборный или симфонический субъект есть действительность, не меньшая, чем индивидуум, но даже большая»¹⁵. «Индивидуум» понимается не в виде замкнутого в себе целого. Человек «индивидуален», так как специфически, особенно выражает и осуществляет целое, некое сверхиндивидуальное сознание и волю. Индивидуальная личность есть момент личности «соборной», или «социальной», и не может существовать в этом отношении как замкнутое на самое себя целое.

Государство как высшая «соборная» личность является всеединством входящих в нее соборных личностей, причем деление на «высшую» и «низшую» сферу условно и призвано показать не противопоставление между ними, а различные качества единого целого. Мы можем сказать, что бытие «соборной» личности растворено в ее индивидуациях, и в них же оно получает возрождение. Подобное всеединство возможно только при полной самоотдаче, когда часть совпадает с целым, качественно отлична от других частей и необходима для целого.

Идеократия, «гарантийное» государство и «государство правды» как альтернатива европейской модели демократического государства

Интересным в рамках рассмотрения государства как «соборной» личности является его сопоставление с европейской моделью государства, которое можно также именовать «демократическим» и «правовым».

В государстве «соборном» в отличие от государства демократического преодолевается индивидуализм и противопоставление государства и индивидуумов как единственных выразителей социального целого. Государство находит свою основу не в индивидуумах, а в первичных социальных группах, малых соборных личностях. Они, будучи элементами целого, коим является соборное государство, объединяют индивидуумов и политически, и юридически, и культурно. Это не означает отрицания «индивидуума» как такового. Наоборот, это дает возможность индивидууму развиваться, становясь индивидуацией государства как высшей «личности».

Государство, с точки зрения Н.С. Трубецкого, являет собой организованное человеческое общество, представляющее органическое единство¹⁶. Последнее же предполагает существование правящего слоя – совокупности людей, определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь государственного целого. В этом правящем слое можно выделить так называемый государственный актив, который именуется правительством, и развивается в русле конкретной государственной идеологии. А.А. Хамидов верно замечает, что для евразийцев понятие «идеология» тождественно понятию «мировоззрение»¹⁷.

¹⁵ Карсавин Л.П. Основы политики. С. 112.

¹⁶ Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 482.

¹⁷ Хамидов А.А. Евразийская модель идеократического государства // Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена». Алматы, 1999. С. 11.

Одним из основных механизмов отбора правящего слоя является готовность испытывать напряжение и ответственность, возлагаемые принадлежностью к правящему слою и осуществлением «идеи». По мнению некоторых исследователей, такие «механизмы «отбора» присущи корпоративной организации: само дело отбирает достойных»¹⁸.

Сам правящий слой должен быть легитимным не только юридически, но и морально. Моральный престиж правящего слоя определяется степенью готовности принести себя в жертву. Следовательно, идея-правительница должна быть такой, чтобы рассматривалась всеми «как морально ценный поступок»¹⁹. По мнению Б.С. Ерасова, идея-правительница считала своей целью «преодоление крайностей индивидуализма и признание самостоятельного значения таких социокультурных единиц, как семья, этнос, нация, конфессиональная группа и т.д.»²⁰.

В демократии по отношению к идее «правлящего слоя» Н.Н. Алексеев выделяет два направления. Первое из них сложилось исторически, ему свойственно представлять демократию подлинной «властью народа», когда каждый является «первым среди равных». Данное направление сводится к теории правового суверенитета, когда во главу угла ставится правовая норма. Второе направление – это отрицание властных отношений вообще, при котором минимизируется идея авторитета – человека или идеи. Могущее возникнуть властное меньшинство, хотя и избранное, считается не демократическим, а аристократическим. Н.Н. Алексеев считал, что теория «подобной представительной демократии вся построена на смешении идеи «правлящего слоя» в государстве... с понятием государственного органа, то есть специально оформленного носителя официальной государственной власти»²¹. Напомним, что об этом писал еще Н.С. Трубецкой: «...в среде этого правящего слоя в свою очередь можно всегда ясно выделить некоторый государственный (правительственный) актив»²². Подобным образом возможно оформление «воли» правящего слоя в конкретных законодательных актах, имеющих юридическую силу.

Демократическая теория не пользуется таким понятием, как «правлящий слой», предпочитая более либеральные «права граждан», «народный суверенитет», «парламент» и т.д. Все это, по нашему мнению, пригодно для теоретических конструкций, тогда как обстоятельства показывают неизбежное формирование «правлящего слоя», как бы он ни назывался.

Возможно, здесь кроется одно из коренных противоречий демократической теории, на которое указывает Ж. Абдильдин, говоря о том, что «понятие, теоретическое видение демократического государства отличалось от реальной исторической действительности, от форм его практического

¹⁸ Исаев И.А., Золотухина Н.М. Политические и правовые взгляды евразийцев // Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995. С. 369.

¹⁹ Трубецкой Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. С. 519.

²⁰ Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5. С. 73.

²¹ Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 478.

²² Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления. С. 482.

воплощения»²³. С одной стороны, она выступает за внеклассовую организацию власти, ссылаясь на «общественный договор» и Ж.-Ж. Руссо. Когда же полностью проявляется несостоятельность данного утверждения, тяготеющего к анархизму, демократия тотчас же признает «правлящий класс».

Консолидирующим элементом «соборного» государства является культурно-государственная идеология. Как пишут Л.И. Новикова и И.Н. Сиземская, «государство, основанное на «демотическом правящем слое», вышедшем из народа и связанном с ним идеологией, определялось как идеократическое»²⁴. Л.П. Карсавин заявлял, что «единая культурно-государственная идеология правящего слоя так связана с единством и силой государства, что ее нет без них, а их нет без нее»²⁵. Из вышеизложенного вытекает, что «правлящий слой» обладает гораздо более широкими функциями, нежели управление государственным аппаратом.

В демократическом же государстве, где народ понимается как голосующее и децентрализованное население, нельзя говорить о единой идеологии. Депутаты создают порой впечатляющие и нереальные программы для сбора голосов. Само население часто недостаточно разбирается в партийных программах и не отличает фантазий от государственно-полезных дел. Государственная власть сконцентрирована в правящем слое, достаточно немногочисленном, которое, не выражая соборную волю государства, диктует свою. Господствует квазиидеология, творцами которой являются политики, финансисты и средства массовой информации, и работает она зачастую в их интересах. Средством организации власти являются политические партии, причем именно многопартийность защищает государство от установления деспотической власти, будь то партии или правящего слоя. Но эта же многопартийность вынуждает государство искать компромисс между партиями как залог своего дальнейшего существования. Евразийство, напротив, считало, что для единства государства необходима единая идеология. По мысли А.И. Уткина, «главное для стабилизации Евразии, для единства и мощи государства – единая культурно-государственная идеология, которая устанавливала бы основные принципы и задания культуры...»²⁶.

Евразийство довольно негативно относилось к европейской модели демократического государства, и, по словам Ю. Каграманова, «гораздо ближе русскому народу модель орды, где царит «коллективистическая стихия»»²⁷. В демократических государствах преобладает государственный минимализм, т.е. невмешательство в большинство сфер, отчего последние вообще кажутся независимыми от государства. «Соборному» государству как идеократии должен, наоборот, соответствовать государственный максимализм, под которым понимается активное и руководящее участие государства в хозяйственно-экономической и культурной сферах²⁸. Согласно Н.С. Трубецкому, «...идеократический строй требует, чтобы власть, с одной стороны, была чрезвычайно сильной, но с другой – чрезвычайно близко стояла

²³ Абдильдин Ж. Сочинения: в 10 т. Т. 10: Демократия. История, понятие и реальность. Астана, 2012. С. 299.

²⁴ Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М., 2000. С. 341.

²⁵ Карсавин Л.П. Основы политики. С. 138.

²⁶ Уткин А.И. Евразийство // Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М., 2000. С. 320.

²⁷ Каграманов Ю. А был ли белый двойник? // Дружба народов. М., 1992. № 9. С. 104.

²⁸ Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления. С. 489.

к населению... должно происходить усиленное огосударствление общественных организаций»²⁹.

С позиций евразийского понимания государства демократия может быть проблематичной для Евразии по причине большого разнообразия поддерживаемых ею мнений. Поэтому, по мнению С. Ключникова, идеократический государственный строй должен «...вбирать в себя лучшие черты монархии (авторитарность и силу, не переходящие в тоталитарность) и демократии (участие широких масс в государственном строительстве, но не формальные, а реальные)»³⁰.

Евразийство не утверждало подавления инакомыслия одной партией, но считало, что «...всякая идеология обречена будет на недейственность, если ее проявление и развитие не будет сопровождаться созданием новой правительственной партии, которая и должна стать на место коммунистической партии осью уже создавшегося нового правящего слоя»³¹. Они предлагали профессиональное представительство организованных по деловому принципу групп населения либо изменение законодательства в интересах специальных выборных учреждений, которые бы состояли из непосредственно заинтересованных групп населения³².

Евразийство сделало однозначный вывод о том, что «демократическое государство обречено на вечное колебание между сильной, но деспотической властью, и далеко не деспотическим бессилием»³³.

Евразийство рассматривало государство не только как идеократическое, но также как «государство правды» и как «гарантийное государство». Необходимо подчеркнуть, что все отмеченные нами модели евразийского понимания государства не только взаимосвязаны между собой, но и все вместе соответствуют идее «соборной личности». Глядя на европейский опыт демократического развития, в котором выражением народного контроля за государством являлся парламент, который и принуждал последнее действовать на общее благо и служить народу, евразийство предлагало альтернативный вариант – «гарантийное» государство, где народ не противостоит государству, а защищает его и взаимодействует с ним. Это в «гарантийном» государстве достигается не за счет революционных переломов, но за счет формирования особого, демотического правящего слоя, который «гарантирует» проведение в жизнь положительной государственной цели. Влияние демотического правящего слоя и его поддержка граждан и есть то, что делает государство «гарантийным».

«Гарантийное» государство, подобно демократическому государству, включает в себя и народное представительство, и парламентаризм. Особый режим, возникающий при этом, который сочетает в себе статический и динамический элементы, идеолог евразийства Н.Н. Алексеев называет «демотической идеократией» или «идеократической демотией»³⁴. Ведь в гарантийном

²⁹ Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления. С. 489–490.

³⁰ Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М., 1997. С. 43.

³¹ Карсавин Л.П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. М., 1997. С. 201.

³² Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления. С. 490.

³³ Карсавин Л.П. Основы политики. С. 139.

³⁴ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 381.

государстве действует утвержденная в конституции идея, вдохновляющая правящий слой, сочетающаяся с вечно изменяющейся жизнью – духовной, культурной, социальной и т.д.

Можем ли мы сказать, что «гарантийное» государство есть государство «демократическое»? Если демократия предполагает стремление ко благу большинства и политическое равенство, находящее воплощение во всеобщем голосовании, то Н.Н. Алексеев считал, что благо большинства есть абсолютная идея, присутствующая во многих государствах, и называл его «демотией», отражающей социальное содержание государства. Когда же включается элемент самоуправления, возникает демократия в точном смысле этого слова. Н.Н. Алексеев считал, что «...гарантийное государство не может не быть государством демотическим, что же касается элементов народоправства, то они должны в нем присутствовать, но не могут быть абсолютизированы»³⁵.

Какая же форма государственного правления соответствует евразийскому «гарантийному» государству? Однозначно можно сказать, что оно не может быть монархией, где воля одного лица является исключительной. В гарантийном государстве верховенствует идея и те, кто воплощают ее в жизнь. Народ и идея взаимосвязаны, так как идея находит воплощение в народе, а народ без идеи не может найти пути развития. Их совокупность и должна являть собою государственный суверенитет и верховное правление. Н.Н. Алексеев считал, что если понимать республику как *res publica* – «общее дело», то гарантийное государство является республикой. «Гарантийное государство есть государство Общего Дела – и мы верим – ему принадлежит будущее»³⁶.

Н.Н. Алексеев также развил евразийское представление о государстве как «соборной» личности, выдвинув идею «государства правды» как альтернативы европейского понимания «правового государства». Стоит напомнить, что подобную мысль проводил учитель и друг Н.Н. Алексеева, П.И. Новгородцев, который считал государство общественным союзом, над которым стоит идеал высшей правды. С точки зрения И.А. Кацаповой, определению общественного идеала П.И. Новгородцева «соответствует принцип всеобщего объединения на началах равенства и свободы»³⁷.

Что необходимо для создания «государства правды»? Н.Н. Алексеев выделяет следующие компоненты: нельзя создавать «государство правды» введением правового демократического строя, как это было сделано в западных государствах. Не может «государство правды» быть создано и в виде религиозного строя. Несмотря на то что «правда» представляет собой определенную категорию, сущность которой состоит в некоей идее, находящейся в одной сфере с конфессиональным элементом государства, религия не может помочь такому всеобъемлющему институту найти «правду».

Важная государственная задача – объединить и гармонизировать интересы всех своих частей, индивидуумов и социальных групп. Без этого государство не сможет сохранить гармонию внутреннего единства, начнет подавлять волю своих частей. В сфере свободной деятельности частей

³⁵ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 383.

³⁶ Там же. С. 385.

³⁷ Кацапова И.А. Идея национального и универсального в русской философии права: Б.Н. Чичерин и П.И. Новгородцев // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 132.

государства как соборной личности находят реализацию их «основные права». Эти права имеют функциональную направленность, обеспечивающую реализацию воли частей в рамках соборной личности. К тому же они обязательно должны быть связаны с обязанностями элементов по отношению к целому, которое представляет собой государство. Права и обязанности нужны и индивидууму, и государству, реализующим себя в классической евразийской интерпретации «единства многообразия». Из вышеприведенных условий, свойств, строения и прав должно исходить государство, стремящееся стать «государством правды». Все возможные права могут быть ограничены или изменены государством, но одно из них является бесспорным. Это право на внутреннюю свободу, неограниченное духовное развитие.

«Государство правды» не может только вмешиваться и пресекать возникновение конфликта. Оно призвано бороться с теми социальными условиями, в которых духовное развитие человека заканчивается и начинается борьба и физическое выживание, деградация человека. Это может привести к самозамыканию личности, росту ее эгоистических интересов. Из этого вытекает следующая важная задача «государства правды» – борьба за освобождение человека от социальной стихии, уничтожающей любые «права духа».

Социальная стихия представляет собой, прежде всего, имущественные отношения, порождающие неравенство и эксплуатацию. Деление на богатых и бедных ограничивает духовное развитие последних. Поэтому «пролетариат» противопоставляется Н.Н. Алексеевым «буржуазии» не только по фактору наличия средств производства и материальных благ, но и по возможности духовного самосовершенствования. Государство стремится обеспечить «пролетариату» средний уровень достатка, для того чтобы дать возможность данному классу на духовное развитие. Только оно может послужить залогом формирования некоторых важных нравственных качеств – дисциплины труда, должного исполнения своих обязанностей и т.д. Этими качествами нельзя овладеть сразу, они воспитываются в течение долгого времени и требуют усиленной внутренней работы духа. Таким образом, «государство правды» должно создавать такие социальные условия, в которых принцип накопления не был бы внутренним стимулом человека.

Так или иначе, евразийские размышления о государстве как соборной личности, идеократии и пр. соприкасались с возникшим советским государством, которое нередко не соответствовало этим размышлениям. Н.Н. Алексеев считал, что советское государство может стать «государством правды» при соблюдении следующих условий. Прежде всего, это определение сферы свободной деятельности индивидуумов и ее защита. Естественно, что свобода должна ограничиваться определенными рамками в виде обязанностей. При этом необходимая взаимосвязь свободы и обязанностей должна пониматься как важнейшее условие для целого, т.е. государства. Эту взаимосвязь необходимо держать в равновесном положении, ибо свобода без обязанностей рискует перерасти в анархию, а обязанности без свободы в тоталитаризм. Во-вторых, свободная деятельность индивидуумов как условие их духовного совершенствования должна быть фактической, реально осуществляемой. К тому же, по мнению Н.Н. Алексеева, государство должно будет «обеспечить действительное осуществление этой свободы, бороться со всякими ее нарушителями и создавать условия для устранения различных

социальных препятствий к ее реализации»³⁸. При соблюдении этих условий свобода «положительная» сфера действия духовного совершенствования индивидуумов-частей будет гармонично связываться с государством-целым. Эта свобода будет подлинной идеей, основой идеократии. Евразийство не считало СССР антидемократическим государством. Н.Н. Алексеев, к примеру, предлагал характеризовать советский строй как «опосредствованную демократию» и отмечал, что «советская демократия... является продолжательницей западной»³⁹.

Вместо заключения

Евразийская идея государства как «соборной» личности противоречива. С одной стороны, она представляет собой интересную социальную модель взаимодействия части и целого как «симфоничного» организма, который подходит под определение «единства многообразия». С другой стороны, опыт XX в. показал, что практическая реализация принципов построения государства как единого организма или корпоративной системы, в которых доминируют правящий слой и идеология, приводит к трагическим последствиям. Несмотря на все это, современное переосмысление «соборности» и «соборной» личности является одним из актуальных направлений по преодолению государственного европоцентризма и поискам российским обществом собственного пути цивилизационного развития.

Соборность и основанные на ней модели государств, предложенные евразийством, можно рассматривать как альтернативу демократической теории, выбранной за основу общественного развития большинством стран мира, в том числе и Россией. Практически все постсоветские страны пошли по пути западного демократического развития либо по пути создания национального государства, что, в конечном итоге, стало неким синтезом обоих путей. Казахстан, к примеру, конституционно определив себя демократическим государством, положил евразийство в основу своей многовекторной внешней политики в начальный период суверенитета. Евразийская идея «единства многообразия», реализуемая параллельно с развитием национальной культуры, вписалась в стратегию сохранения межэтнического согласия в полиэтничном казахстанском обществе.

Предложенные евразийством модели государств, на сегодняшний день, могут быть актуальны и для России, так как сама «соборность» имеет корневое основание в русской национальной культуре. Однако едва ли возможно сейчас сказать, каким путем пойдет Россия, будет ли она использовать евразийский проект, какие европейские ценности она намерена сохранять.

Список литературы

Абдильдин Ж. Сочинения: в 10 т. Т. 10: Демократия. История, понятие и реальность. Астана: Астана полиграфия, 2012. 552 с.

³⁸ Алексеев Н.Н. На путях к будущей России (советский строй и его политические возможности) // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 322.

³⁹ Там же. С. 330.

- Аксаков К.С. Еще несколько слов о русском воззрении // Аксаков К.С., Аксаков И.С. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 198–205.
- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. 635 с.
- Ерасов Б.С. Социокультурные и геополитические принципы евразийства // Полис. 2001. № 5. С. 65–74.
- Исаев И.А., Золотухина Н.М. Политические и правовые взгляды евразийцев // Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М.: Юристъ, 1995. С. 358–374.
- Каграманов Ю. А был ли белый двойник? // Дружба народов. 1992. № 9. С. 99–113.
- Карсавин Л.П. Noctes Petropolitanae // Карсавин Л.П. Saligia. Noctes Petropolitanae. М.: АСТ, 2004. С. 63–238.
- Карсавин Л.П. Основы политики // Мир России – Евразия: Антология / Сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М.: Высшая школа, 1995. С. 110–154.
- Карсавин Л.П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли / Сост. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. С. 141–201.
- Карсавин Л.П. Философия истории. М.: АСТ, 2007. 510 с.
- Кацапова И.А. Идея национального и универсального в русской философии права: Б.Н. Чичерин и П.И. Новгородцев // Вопросы философии. 2007. № 4. С. 132–143.
- Киреевский И.В. Речь Шеллинга // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. С. 238–248.
- Ключников С. Восточная ориентация русской культуры // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли / Сост. С. Ключникова. М.: Беловодье, 1997. С. 5–70.
- Ларюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи / Пер. с фр. Т.Н. Григорьевой. М.: Наталис, 2004. 287 с.
- Лосский Н.О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 559 с.
- Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. М.: Аспект Пресс, 2000. 399 с.
- Полюса евразийства. Л.П. Карсавин, Г.В. Флоровский // Новый мир. 1991. № 1. С. 180–182.
- Соловьев В.С. Первый шаг к положительной эстетике // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 548–555.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 2000. 554 с.
- Уткин А.И. Евразийство // Уткин А.И. Запад и Россия: история цивилизаций. М.: Гардарики, 2000. С. 314–328.
- Хамидов А.А. Евразийская модель идеократического государства // Идеи и реальность евразийства: Материалы Валихановских чтений «Исторические корни и перспективы евразийства как социокультурного и социополитического феномена». Алматы: Дайк-Пресс, 1999. С. 10–19.
- Хомяков А.С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях // Русская философия: Имена. Учения. Тексты / Сост. Н.В. Солнцев. М.: ИНФРА-М; Весь мир, 2001. С. 209–211.
- Хомяков А.С. О старом и новом // Антология мировой политической мысли: в 5 т. III: Политическая мысль в России: X – первая половина XIX века / Ред.-сост. В.Ф. Пустарнаков, А.С. Фалина. М.: Мысль, 1997. С. 704–708.
- Штраус Л. Введение в политическую философию / Пер. с англ. М. Фетисова. М.: Логос: Праксис, 2000. 364 с.

In search of an ideal for social development: the Eurasian interpretation of the State as an alternative to European democracy

Denis A. Kacheev

Kostanai Regional University named after Akhmet Baitursynov. 47 Baitursynov Str., Kostanai, 110000, Republic of Kazakhstan; e-mail: kacheev@mail.ru

The paper explores the Eurasian understanding of the state as a “sobor” personality, ideocracy, a “guarantee” state and a “state of truth” as a special path of social development

and state structure. The origins of “sobornost” can be traced back to the views of V.S. Solovyov on “vseedinstvo”. “Sobornost” as the basis of the social development of Rus-Russia is an alternative to Western individualism, embodied in the democratic path of development. In Eurasianism, the principle of “sobornost” was applied by L.P. Karsavin to the state, which was understood as a certain “cultural-subject”, “sobor” or “symphonic” personality. The “sobor” state is the unity of all its constituent groups and individuals, consolidated by the “ruling layer” and the “idea-ruler”. The state, as a “sobor” personality, was understood by Eurasianism in several qualities – as an ideocratic state, in which the “ruling layer” is subordinate to the highest “idea-ruler”; as a “guarantee” state, in which the “ruling layer” is organically linked to the people and “guarantees” the achievement of positive State objectives; as a “state of truth”, representing a social union aimed at realizing the ideal of a higher truth.

Keywords: Slavophilism, sobornost, vseedinstvo, eurasianism, state, culture, ideocracy, democracy, the ruling layer

For citation: Kacheyev, D.A. “V poiskakh ideala obshchestvennogo razvitiya: evraziiskoe ponimanie gosudarstva kak al'ternativa evropeiskoi demokratii” [In search of an ideal for social development: the Eurasian interpretation of the State as an alternative to European democracy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 3, pp. 96–109. (In Russian)

References

- Abdildin, Zh. *Sochineniya, T. 10: Demokratiya. Istoriya, ponyatie i real'nost'* [Works, Vol. 10: Democracy. History, concept and reality]. Astana: Astana Publ., 2012. 552 pp. (In Russian)
- Aksakov, K.S. “Eshche neskol'ko slov o russkom vozzrenii” [A few more words about the Russian view], in: K.S. Aksakov & I.S. Aksakov, *Literaturnaya Kritika* [Literary criticism]. Moscow: Sovremennik Publ., 1981, pp. 198–205. (In Russian)
- Alekseev, N.N. *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and the state]. Moscow: Agraf Publ., 1998. 635 pp. (In Russian)
- Erasov, B.S. “Sociokul'turnye i geopoliticheskie principy evraziystva” [Socio-cultural and geopolitical principles of Eurasianism], *Polis*, 2001, No. 5, pp. 65–74. (In Russian)
- Isaev, I.A. & Zolotuxina, N.M. “Politicheskie i pravovye vzglyady evraziycev”, in: I.A. Isaev & N.M. Zolotuxina, *Istoriya politicheskix i pravovykh uchenij Rossii XI–XX vv.* [History of political and legal teachings of Russia of the XI–XX centuries]. Moscow: Yurist Publ., 1995, pp. 358–374. (In Russian)
- Kagramanov, Yu. *A byl li belyj dvojniki?* [Was there a white double?], *Druzhba narodov*, 1992, No. 9, pp. 99–113. (In Russian)
- Karsavin, L.P. “Fenomenologiya revolyucii” [Phenomenology of the revolution], *Russkij uzel evraziystva. Vostok v russkoj mysli* [Russian node of Eurasianism. East in Russian thought], ed. by S. Klyuchnikov. Moscow: Belovod'e Publ., 1997, pp. 141–201. (In Russian)
- Karsavin, L.P. “Noctes Petropolitanae”, in: L.P. Karsavin, *Saligia. Noctes Petropolitanae*. Moscow: AST Publ., 2004, pp. 63–238. (In Russian)
- Karsavin, L.P. “Osnovy politiki” [Policy fundamentals], *Mir Rossii – Evraziya: Antologiya* [The world of Russia is Eurasia. Anthology], ed. by L.I. Novikova and I.N. Sizemskaya. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1995, pp. 110–154. (In Russian)
- Karsavin, L.P. *Filosofiya istorii* [Philosophy of history]. Moscow: AST Publ., 2007. 510 pp. (In Russian)
- Katsapova, I.A. “Ideya nacional'nogo i universal'nogo v russkoj filosofii prava: B.N. Chicherin i P.I. Novgorodtsev” [The idea of national and universal in Russian philosophy of law: B.N. Chicherin and P.I. Novgorodtsev], *Voprosy filosofii*, 2007, No. 4, pp. 132–143. (In Russian)
- Khamidov, A.A. “Evrazijskaya model' ideokraticeskogo gosudarstva” [Eurasian model of an ideocratic state], *Istoricheskie korni i perspektivy evraziystva kak sociokul'turnogo i sociopoliticheskogo fenomena* [The historical roots and perspectives of Eurasianism

- as a sociocultural and sociopolitical phenomenon]. Almaty: Daik-Press Publ., 1999, pp. 10–19. (In Russian)
- Khomyakov, A.S. “Neskol’ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroisповедaniyakh” [A few words of an Orthodox Christian about Western faiths], *Russkaya filosofiya: Imena. Ucheniya. Teksty* [Russian philosophy: Names. Teachings. Texts], ed. by N.V. Solntsev. Moscow: INFRA-M Publ.; Ves mir Publ., 2001, pp. 209–211. (In Russian)
- Khomyakov, A.S. “O starom i novom” [About the Old and the New], *Antologiya mirovoi politicheskoi mysli, T. III: Politicheskaya mysl’ v Rossii: X – pervaya polovina XIX veka* [Anthology of world political thought, Vol. III: Political thought in Russia: X – the first half of the XIX century], ed. by V.F. Pustarnakov and A.S. Falina. Moscow: Mysl Publ., 1997, pp. 704–708. (In Russian)
- Kireevskii, I.V. “Rech’ Shellinga” [Schelling’s Speech], in: I.V. Kireevskii, *Kritika i estetika* [Criticism and aesthetics]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979, pp. 238–248. (In Russian)
- Klyuchnikov, S. “Vostochnaya orientaciya russkoj kul’tury” [Eastern orientation of Russian culture], *Russkij uzel evraziizstva. Vostok v russkoj mysli* [Russian node of Eurasianism. East in Russian thought], ed. by S. Klyuchnikov. Moscow: Belovod’e Publ., 1997, pp. 5–70. (In Russian)
- Laruelle, M. *Ideologiya russkogo evraziizstva, ili Mysli o velichii imperii* [Ideology of Russian Eurasianism, or Thoughts on the Greatness of the Empire], trans. by T.N. Grigoryeva. Moscow: Natalis Publ., 2004. 287 pp. (In Russian)
- Losskii, N.O. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1991. 559 pp. (In Russian)
- Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. *Russkaya filosofiya istorii* [Russian philosophy of history]. Moscow: Aspekt Press Publ., 2000. 399 pp. (In Russian)
- “Polyusa evraziizstva. L.P. Karsavin, G.V. Florovskii” [The poles of Eurasianism. L.P. Karsavin, G.V. Florovsky], *Novyi mir*, 1991, No. 1, pp. 180–182. (In Russian)
- Solovyev, V.S. “Pervyi shag k polozhitel’noi estetike” [First step to positive aesthetics], in: V.S. Solovyev, *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl Publ., 1988, pp. 548–555. (In Russian)
- Strauss, L. *Vvedenie v politicheskuyu filosofiyu* [Introduction to political philosophy], trans. by M. Fetisov. Moscow: Logos Publ.; Praxis Publ., 2000. 364 pp. (In Russian)
- Trubetskoy, N.S. *Nasledie Chingisxana* [Genghis Khan’s legacy]. Moscow: Agraf Publ., 2000. 554 pp.
- Utkin, A.I. “Evraziizstvo” [Eurasianism], in: A.I. Utkin, *Zapad i Rossiya: istoriya civilizacij: Uchebnoe posobie* [West and Russia: History of Civilizations: Textbook]. Moscow: Gardariki Publ., 2000, pp. 314–328. (In Russian)